

СЕРИЯ «БЛАГОСЛОВЕННЕ» ИМЕНИ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Мирослав А. Гришин

ПРОБУЖДЕНИЕ

Рассказы

Мирослав Анатольевич Гришин

Пробуждение. Книга 1

Серия ««Благословение» им. Сергия Радонежского»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63079193

*Пробуждение : Рассказы. Книга 1 / М. Гришин: Интернациональный
Союз писателей; Москва; 2020
ISBN 978-5-907350-64-9*

Аннотация

Атеист сказал: «Вам, верующим, хорошо. Вы Бога считаете своим отцом, и он помогает вам делать ваши дела. А нам, безбожникам, все приходится делать самим».

В этом кроется глубокий смысл. Отец всегда даст по просьбе своего дитя просимое. Но каждый родитель знает, что несравненно приятнее давать не по родительскому долгу, не по обязанности, а когда ребенок об этом тебя сам попросит. По-человечески попросит, с уважением, со смирением, с любовью. И уж совсем нельзя отказать, когда ребенок попросит со слезами.

Эти рассказы – о случаях Божественного заступления Богом, о помощи любящего Отца. Рассказы читаются легко, и в каждом мы находим что-то душеполезное для себя. Смысл рассказов:

«Ищите и обрящете, стучите и отверзется, просите и будет вам дадено».

Содержание

Вступление	8
Пробуждение	11
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Мирослав Гришин
Пробуждение. Книга 1

Мирослав Анатольевич Гришин

Мастер коротких душеполезных рассказов.

Родился в Москве 6 августа 1959 года. Начал свою трудовую жизнь в 15 лет.

Любил читать книги, мечтал о море. Много учился. Окончил Ленинградское морское училище (ЛМУ ММФ), Государственную морскую академию имени адмирала С. О. Макарова (ЛВИМУ) и Российскую академию государственной службы (РАГС).

Был моряком. На торговых судах обошёл весь мир. Работал в Арктике на атомных ледоколах. Много путешествовал по нашей стране.

Паломничал по святым местам Вселенского православия. Сейчас на пенсии. Пишет книги.

Вступление

В начале было Слово.

Оно и сейчас в начале, в начале пути спасения каждого из нас. Как призыв Бога, который необходимо услышать и которому нужно иметь желание и терпение следовать.

Как призывающая благодать, так хорошо раскрытая святителем Феофаном Затворником.

Пути ко спасению или, что то же самое, ко Господу различны.

Их ровно столько же, сколько нас с вами, дорогие читатели этой книги.

Люди прямые и цельные шествуют прямыми стезями и достигают Христа кратчайшим путём.

Как рождественские пастухи.

Сложным, интеллектуальным натурам зачастую суждено шествовать к истине долгими путями разума, а обрести её через веру.

Что же касается людей творческих, эмоциональных, их путь зачастую – путь взлётов и падений, разочарований и обретений.

Автор, как видится, – личность творческая, испытанная жизнью, горячо, по-настоящему, верующая и любящая нашу Родину.

Вот и всё.

А другого ему для его книги и не потребовалось.

Вера и любовь, на мой взгляд, и есть источники его творчества. А поскольку они истинны, то и источники прозрачны, и творчество просто, мудро и лаконично.

Я не имею в виду литературные достоинства книги: вполне возможно, строгий критик найдёт в ней какие-то изъяны или шероховатости. Не стану оценивать и её художественные особенности. Поделюсь личными впечатлениями.

Прежде всего книга автобиографична: во многих рассказах, эссе – реальные поиски и размышления самого автора. Для тех, кто ищет ответ на главные жизненные вопросы, находится на пути к храму или на его пороге, она может помочь разобраться в себе, явиться надёжным и точным указателем: Бог там.

И церковному читателю она будет интересна. Полезно, полезно каждому оглянуться на пройденный путь, вспомнить свои заблуждения и откровения, ещё раз выверить настоящее, поразмыслить о будущем. Но главное – не в том: автор всматривается в свою жизнь взглядом уже церковного человека.

В его рассказах часто и весьма кстати встречаются краткие обобщения-выводы аскетического и богословского характера, святоотеческие мысли.

И всё это, повторяю, пережито, передумано, выстрадано.

И изложено в такой простой и доступной форме, что сразу на ум приходят слова преподобного Амвросия Оптинского:

«Где просто, там ангелов до ста».

Кстати, о форме.

Она проста, но не тривиальна. Автор избегает длинных повествований; его рассказы часто представляют собой последовательный ряд событий-зарисовок, многие из которых содержат яркий образ или интересную мысль.

В последние годы выпускается много православной литературы: святоотеческой, богословской, учебной. Особый раздел представляет собой литература художественная самых разных видов и жанров: от исторического до фэнтези. Многое здесь продиктовано временем, переменчивыми вкусами нецерковных читателей – наших потенциальных сестёр и братьев, к которым также посылает нас Господь.

Но как бы ни менялись люди, им всегда будет необходим разговор о смысле жизни и любви, о Боге и ближнем, о себе самом. И собеседник, который смог бы поговорить обо всём этом по душам, поделиться своим опытом.

Такового собеседника вы и откроете для себя, дорогой читатель, за строками этой книги.

*Митрополит Хабаровский и Приамурский
Игнатий (Пологрудов).*

Благословение от Господа

Пробуждение

Светлой памяти Льва Виноградова

*От сна восстав полнощную песнь приношу Ти,
Спасе, и припадая вопию Ти: не даждь ми уснути
во греховней смерти...*

Утренняя молитва

I

Его участие в моей судьбе человеческим мерилom неизмеримо. Ведь я был мертвец пред Богом, но ожил, пробудился и в православный храм и ко Господу нашему Иисусу Христу пришёл благодаря Лёве – Льву Александровичу Виноградову из города Владимира.

Он смог уловить и поднять мою душу уже с самого дна.

А было так.

Один мой товарищ, такой же хищник, как и я сам, «был безвинно закрыт» в тюрьме города Владимира.

Скрал, известное дело, концы схоронил в воду. Да пузыри пошли, по ним и нашли. К тому времени денег у него не стало – легко пришли, легко ушли. Дали шесть лет, а откупиться нечем.

Не будет преувеличением сказать: тюрьма – это ад, воплощённый на земле. Я, сострадав сидельцу, искал пути вызволения его или хотя бы облегчения ему тюремной жизни. Встретился мне на этом поприще Лёва, которого я полюбил всей душой, как старшего брата.

После нашего непродолжительного знакомства Лёва, человек авторитетный во Владимире и известный в своём роде, сказал мне: «Мирославушка, ты вот часто поминаешь Христа-Бога (он имел в виду мои к месту и не к месту цитаты из Евангелия), а ты крещёный? В храм Божий ходишь?».

Я ответил в гнилом интеллигентском духе, мол, главное, чтобы Бог в душе был. «А ритуалы церковные – поповские выдумки, чтобы народ дурачить. И потом, посмотри на меня, что я, красавец, имею общего со старухами и полоумными бомжами, которые только одни и ходят в церковь; с малограмотными, вечно пьяными батьками, которые почему-то считают, что я должен им целовать руку, кланяться, да ещё давать денег?».

Лёва посмотрел на меня грустными, как у больного зверя, глазами и сказал: «Значит, ты вне круга. Вне ограды». Затем, спустя малое время, встрепенулся, словно зажёгся огнём изнутри: «Тебя нужно окрестить! И батюшка подходящий есть!»

Сказать по правде, я и сам часто подумывал о том, чтобы покреститься. Русская душа – христианка, – неясно томясь, тянулась к храму. Но я, выросший безбожником, не

понимал, как это сделать: стеснялся своей церковной безграмотности, не знал, как войти в храм, что и кому сказать, где встать, чтобы не оскорбить величие Божие. Робел показаться посмешищем в глазах прихожан и клира – «дожил до таких лет, а простых вещей не знает»; боялся их издевательских реплик и уничижительных замечаний на свой счёт и т. д.

Ну а уж если быть честным до конца, основной причиной, не пускавшей меня внутрь «ограды», было понимание своей греховности: тщеславия, распущенности, сластолюбия. И боязнь наказания – уж если покрестился, принял Духа Святаго, то от греха надо отстать. А если нет? – за всё придётся платить. А как бросить грех? Грех-то, он сладок, а человек на него падок!

Лукавое положение, в котором я находился, было очень удобным: да, я, возможно, грешу, но я не заключал ни с кем договора, поэтому никаких правил по жизни у меня как бы и нет. А раз так, то моих грехов не существует вовсе, ведь я никому и ничем не обязан. Есть только мои желания, удовлетворять которые и есть высший смысл и назначение моей жизни.

...В назначенный день я стоял в Троицком храме города Владимира, а протоиерей отец Евгений совершал надо мной чин крещения. Словно в каком-то полузабытии слышал я слова молитв, затем слова батюшки, трижды вопрошавшего меня об отречении от сатаны и сочетании Христу-Богу.

– Вы приняли крещение, – сказал батюшка в напутствен-

ном слове, – уже взрослым человеком. Старайтесь идти прямым путём – путём Христовых заповедей, – и кратко их перечислил.

Лёва – мой крёстный отец – сидел, как тяжкоболящий, на лавке у окна и терпеливо дожидался конца таинства.

II

Как и предупреждал отец Евгений, несколько дней после крещения я чувствовал особенную лёгкость внутри, беспричинную радость и умиление.

Затем пошли будни. Я учил молитвы, досадуя, что ничего из них не задерживается в голове.

Первые церковные службы мне давались с большим физическим трудом: тело затекало от неподвижного стояния, деревенело, делалось непослушным. После литургии я залезал в свой автомобиль, как инвалид на протезах, затягивая руками в салон свои негнущиеся ноги.

Тогда я не ощущал красоты церковной службы, раздражался её продолжительностью, скрипом пола, шарканьем ног, кашлем и сморканием прихожан, разговорами и звуками торговли за свечным ящиком. Вспыхивал от пустяков, был готов убить, когда кто-то случайно толкал меня или просил передать свечку; не понимая слов и значения действий церковнослужителей, чувствовал себя в храме чужим.

Когда я, примеряясь, стоял около очереди на исповедь, то

внимательно наблюдал за исповедующимися. Многие пребывали у аналоя в безутешных слезах, а я, вместо того чтобы рыдать о своих собственных прегрешениях, пытался для развлечения ума угадать, какой грех они исповедовали. Самые жуткие и кровавые человеческие грехи и страсти представлялись моей развращённой душе, хотя рациональным умом я понимал, что люди, отходившие в очистительных слезах от батюшки, по большей части божьи одуванчики, которые не то чтобы человека прирезать, а и мухи не обижают.

Исповедники крестились, кланялись, целовали крест и Евангелие, благословлялись у батюшки, целуя ему руку. Крамольные мысли лезли в голову: что он этой рукой делал двадцать или более минут назад? И – неужели мне так и не удастся перешагнуть через своё брезгливое высокомерие, гордость, извращённое представление о стыде, дабы самому исповедоваться и поцеловать длань священника?

Видя светлые лица прихожан, ту воздушную радость, лёгкость, с которой они двигаются по храму, крестятся, плавно кланяются, прикладываются к иконам, подпевают хору, умиляются, плачут, благоговейно замирают при чтении Апостола и прочее, я понимал, что сильно от них отличаюсь. И дело даже не в знании молитв и хода литургии, а в чём? Они веруют в Бога, а я нет. У меня «горе от ума». Они веруют в простоте души, как дети, а я умничаю, мудрую, фарисействую.

Слова Евангелия: «Господи! Помоги моему неверию!» (Мк. 9:24) наполнились для меня практическим смыс-

лом.

Начиная понимать всю глубину своих грехов, зная, что грех есть величайшее зло и оскорбление Господа Иисуса Христа, я не мог, я стыдился в них чистосердечно раскаяться, дабы получить прощение от Бога – очиститься и стать христианином.

Появившееся стремление – стать чище, изменить свою жизнь к лучшему – постепенно привело меня к желанию исповедания своих грехов, которые я, стыдясь вымолвить их перед батюшкой, писал поначалу на бумажке.

Как пловец с разбитого бурей корабля нащупывает, борясь с волнами, некрепкими пальцами ног грунт ещё не открывшейся земной тверди, так и я, почувствовав силу и величие православия, как к спасительному берегу, потянулся к нему всем своим существом.

Точно узнав (Быт. 1:27), что человек создан по образу Бога, мне захотелось хотя бы внешне походить на Образ Спасителя.

Я решил отпустить бороду. Рассудил по-детски радостно: «Отпущу бороду. Может быть, добрый Бог так же отпустит мои грехи?»

Желание узнать больше о Боге, загробной жизни и пути спасения стало моим главным жизненным смыслом. Жития святых, которые я читал, стези праведников и ревнителей благочестия необыкновенно, до слёз умиляли мою воскресающую душу, отчего моё недостоинство делалось для меня

ещё более очевидным.

Проезжая мимо нашего храма, я стал испытывать непреодолимое желание перекреститься на блестящие золотом кресты, но стеснялся – что, мол, скажут или подумают (мне это казалось важным) мои соседи по автобусу. Когда же я с невероятным внутренним усилием всё же перекрестился, глядя на храм, ничего не случилось, никто даже и глазом не повёл.

Люди, как и я недавно, спят глубоким сном – никому и дела нет ни до меня, ни до храма, ни до самого Иисуса Христа и жизни будущего века...

В обычной жизни вокруг меня были одни безбожники, которые, слушая мои огненные глаголы о Вечной Жизни, многозначительно крутили пальцами у виска – мол, обратись к помощи психиатра.

А родная сестра, шибко меня жалея, однажды спросила: «Ты что, кроме Бога, ни о чём говорить не можешь?»

Я стал регулярно бывать на службе в церкви, ездить по святым местам и монастырям, читать православную святоотеческую литературу. Господь начал посылать мне навстречу духовно богатых людей, у которых я старался учиться.

Неосознанно во время чтения молитв я стал догадываться, к чему нужно стремиться, о чём нужно просить Бога: чтобы он так просветил сердце и даровал в нём любовь такой силы к Вышнему, какой иногда мы любим сам грех.

Постепенно я начал приобретать расположение к духовному чтению.

Евангелие и земная жизнь Иисуса Христа стали представляться мне совсем в ином свете...

Теперь мне кажется странным, как я раньше мог жить без церкви, без которой, по слову святого Киприана, к Богу прийти невозможно, ведь «кому церковь не мать, тому Бог не отец!».

III

Прошло несколько лет.

Я чувствовал, что во мне происходило какое-то внутреннее, не от меня зависящее делание. В результате невидимой работы что-то изменялось во мне, как бы иное вещество копилось в сердце.

Наконец Божией милостью и мне открылся путь настоящего, слёзного покаяния во время поездки в Дивеево к бабушке Серафиму Саровскому...

...Ещё утром в дивеевском Троицком храме я подавал записочку на свечной ящик с молебном о здравии раба Божьего Льва, а приехав во Владимир из Дивеева к шести часам пополудни, нашёл Льва бездыханно лежащим во гробе на столе посреди комнаты.

Лев скончался несколько часов назад.

Зеркало в прихожей было занавешено чёрной шалью: тра-

ур. Жена и дочь покойного хлопотали по хозяйству – нужно было убрать квартиру, подготовиться к похоронам и поминкам. Не было показного горя – я для них был свой, почти родня. С одной стороны, они потеряли мужа и отца, с другой – наступило наконец облегчение от напряжения последних дней: слава Богу, отмучился наш страдалец.

Я подошёл ко гробу.

На лице покойного лежала какая-то подушка, как мне объяснили – маска, которую наложил специально обученный человек из морга, «чтобы Лёва лучше выглядел».

Смерть Льва Александровича никак не вмещалась в меня.

Мне не хотелось уходить от гроба. Я, как зачарованный, медлил: постоял, погладил ещё тёплую, при жизни обладавшую страшной (для врагов) богатырской мощью руку своего друга и, согласившись с женщинами о приезде на похороны во вторник, вышел вон.

Покидая квартиру, я заметил стоящие под вешалкой в прихожей старые Лёвины ботинки – чуни – со стоптанными задниками. Больше они уж никуда не пойдут. Своё отслужили. Вид, а главное, понимание их теперешней, без хозяина, никчёмности (путь-то у них теперь один – на помойку) особым образом впечатлили меня, врезались в память, показав мне иносказательно их, ботинок, схожесть с нашей человеческой судьбой.

Мои дорогие, ныне осиротевшие женщины, пытаясь приукрасить Лёвины останки, старались скрыть ту непригляд-

ность, которую несёт в себе смерть плоти. И, насколько возможно, смягчить приговор людского мнения и неизбежного в таких случаях человеческого суда, всё ещё сильного в старых русских, чтущих традиции, городах, где считают прямым соответствием внешности во гробе с земными делами покойного.

Прихорашивать жуткую гримасу смерти – дело по-человечески понятное, но тем самым мы лишь подчёркиваем уродство смерти – безобразный свирепый оскал костяной, как говорят, бабы в балахоне с косой.

Тело!.. Бесконечно любимое белое тело!

Главная ценность и главная собственность нашей жизни, её высший смысл и центр мироздания и всего бытия...

Оно создано по Божьему образу и подобию, но теряет всё своё назначение без отлетевшей от тела души. Становится чунями без хозяина. Делается солью, потерявшей свою соляную силу.

Когда тело молодо, сильны мышцы и упруга кожа, тогда плоть сочится похотью, как свежий торт ромом; досаждаёт человеку блудливыми помыслами, игривыми мечтами и несбыточными надеждами.

Молодой человек не бывает покоен. Как говорится, в здоровом теле – здоровый бес.

Затем как-то незаметно, с быстрым и всё ускоряющимся к старости течением времени тело делается старым и дряблым. Его покидают живительные силы, проходит очарование юно-

сти и зрелых лет, начинают мучить скорби и болезни, клоня человека к сырой земле, приуготовляя к неизбежному расставанию вечной души с бренным телом.

И, наконец, смерть. Тленная, с трупным запахом, разлагающаяся плоть – мерзость. Вещь уже никому не нужная, ни на что не годная.

Всё.

Земной путь человека пройден. Черта подведена. Исправления, подчистки и дополнения невозможны. Иди, душа, если получится, в рай...

Я вышел из квартиры, где, казалось, ещё незримо витал, то есть жил, дух Лёвы, сел за руль автомобиля и глубоко задумался...

Что же, нужно ехать домой, в Москву.

IV

Было бы лицемерием сказать: «Как жаль, что Лёва умер» или «Как жаль, что мало пожил» – его болезнь доставляла ему невыразимые страдания.

И всё же: он, мой близкий друг и советчик, перестал быть. Заунывный погребальный звон звучал в моей душе... Тяжёлый литой язык гудящего колокола бил, бил и бил мне в правый висок, грозя расколоть череп.

Настроение и самочувствие портились с каждым пройденным по трассе километром. Какая-то душевная муть, липкая

слизь поднималась из самых топких глубин моего сознания, отравляя ум и тело, вызывая нервное беспокойство, чувство гадливости, неприятия всего вокруг, угрожая выплеснуться в приступ истерии.

Меня всего стало ломать, выворачивать, корёжить изнутри.

Я, что называется, не находил себе места. И когда Санька, мой искренний Санька, предложил остановиться в Киржаче, чтобы перекусить, я живо согласился, сказав, что нужно и выпить – помянуть Лёву.

Саня, не имевший тогда водительского удостоверения, осторожно спросил:

– Выпить, конечно, можно. А кто сядет за руль?

Откуда я возымел тогда такое дерзновение?

– Господь всё управит, не волнуйся. Я сяду за руль.

– Ну, если Господь...

V

Мы зашли в придорожный ресторанчик. Сели на втором этаже.

– Пусть земля ему будет пухом, – выпили не чокаясь.

Вот и не стало Льва...

Как всё глупо.

При чём здесь пух? Ведь лежать-то покойник будет в гробу.

Жгучее уныние, терзавшее моё нутро, стало вроде бы отступать, становиться печалью.

Святые отцы говорят: воспоминание о смерти – дар Божий.

– Все там будем, – подтвердил Санька.

– Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего Льва, – выпили по третьей.

Закусили.

Поднялись.

Пора ехать. Трасса не ждёт.

Через пятнадцать километров нас поджидал блокпост на Орехово-Зуевском повороте. Сколько раз я проезжал мимо него по трассе Москва – Владимир? Сто? Двести? Не сосчитать. Но только сегодня у меня так замирало сердце от дурного предчувствия и страха перед гаишниками: знает кошка, чьё мясо съела!

Трасса была весьма оживлённой – воскресный летний вечер, москвичи возвращаются домой. Сгущались сумерки, все включили ближний свет фар. Незаметно притормаживая и пропуская вперёд машины, я встал пятым в очереди на светофоре блокпоста в ожидании зелёного сигнала.

Как так произошло, не знаю, но сержант выхватил меня из проезжавшего потока машин и коротко сказал: «Пройдите на пост».

И я пошёл, дыша в сторону, как идёт вол на убой...

VI

В стеклянной будке за столом перед компьютером сидел капитан милиции предпенсионного возраста из тех, про которых поётся в песне, что никогда, мол, капитан, ты не будешь майором.

Одного взгляда на меня ему было достаточно, чтобы разобраться в ситуации лучше всякого Раппопорта. Но он, как гурман, смакующий блюдо, заранее предвкушая положительный результат своего исследования, твёрдо решил соблюсти весь ритуал ментовской формальной процедуры.

– Принимали спиртные напитки? – нарочито тускло, невыразительно, прикрываясь маской наигранной беспристрастности, произнёс капитан.

Я хотел честно признаться во всём: что еду я с богомолья от батюшки Серафима Саровского; что сегодня умер мой близкий, родной человек и что душа моя скорбит по нему безмерно, потому и выпил, помяная покойника. Но это желание длилось лишь одно краткое мгновенье.

Я стиснул зубы и, скрепив сердце своё, промолчал.

Чего говорить? И так всё ясно.

– Дуйте в прибор, – капитан подал мне плоскую, с электрическими проводками и лампочками, коробочку с пластмассовой трубкой на торце.

Вот он и подступил – край. За ним падение – наказание

гордому.

Взмолился я что есть сил: «Отче наш, Серафиме, помоги мне быстрее, погибаю!»

Зажглась зелёная лампочка: прибор алкоголя не обнаружил. Тень удивления скользнула по дублёному лицу капитана:

– Нужно подождать, пока прибор нагреется.

Я почувствовал, как жизнь возвращается в моё ухнувшее сердце, будто меня, как маленького, кто-то приласкал – погладил по головке...

– Так. Дуйте ещё раз.

Я сам даже удивился, откуда взялась такая сила сердечная: «Батюшка Серафим, второй раз выручай – погибаю!» И опять загорелась зелёная лампочка на приборе.

Теперь мне стало понятно, что это значит – «иметь огонь в молитве», о котором нам сообщают святые старцы-молитвенники.

Капитан, повидавший всего разного на своём ментовском веку, долгим взглядом, изучая, посмотрел на меня и, видимо, уважая высокое заступничество того, кто стоял невидимо надо мной в тот момент, и признавая его силу безусловно действенной, сказал, отдавая водительские документы:

– Будьте осторожны на трассе.

VII

Люди мрут – нам дорогу трут.

Передний заднему – мост на погост.

Пословица

Лёва тяжко болел.

У него был рак, причём в той форме, которая уже не лечится. После удаления сигмовидной кишки он получил инвалидность первой группы и прожил с ней ещё три года.

Но, как Лев ни крепился, жизнь по каплям исходила из него.

Так масло вытачивается из старого, надсаженного мотора, который стоит в углу гаражного пустыря, дожидаясь своего срока быть свезённым на свалку.

Лёвина подвижность уменьшалась. Наконец он слёг.

Мне вспомнился рассказ Лёвиного тёзки графа Толстого «Смерть Ивана Ильича», как этот самый Иван Ильич, умирая, три дня перед смертью не умолкая кричал, тянул своё жуткое «У-у-у», от которого его жена и взрослая дочь-невеста, не зная, куда им деваться, буквально сходили с ума.

Лев страдал молча, не досаждая и излишне не загружая своих домашних.

Христианская добродетель – терпение – медицина бедных...

От боли он слабел с каждым днём, и никто не в состоянии был ему помочь.

Слабый, пресекающийся голос.

Крайнее измождение некогда богатырского – как у Ильи Муромца на картине «Три богатыря» – тела.

В потухших глазах – смертельная усталость от борьбы за жизнь. Всё это придавало ему вид глубокого старца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.